

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ И СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ. О книге Д. НОЛАНА «ДЭВИД ЛЬЮИС»¹

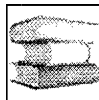
А. А. ВЕРЕТЕННИКОВ

Существует как минимум два жанра истории философии. Один из них – историческое описание. Другой – систематическая реконструкция. Первый тяготеет к многотомным собраниям, второй слишком сух. В отечественной философской литературе историческое описание является одним из самых распространенных жанров, который во многом напоминает традиционный для русской литературы жанр старейшей в России книжной серии «Жизнь замечательных людей». Как правило, в таких «жизнеописаниях» биографические данные переплетены с более-менее систематическим изложением теорий, сделавших их создателей знаменитыми. Биография зачастую реконструируется в виде романа-жизнеописания, где фантазии и домыслы (несомненно, ввиду недостатка информации) автора переплетаются с установленными фактами из жизни описываемого философа. В целом, такой подход напоминает ситуацию в древнеримской литературе, когда Диоген Лаэртский вписывал отдельные сведения об учениях философов в контекст их жизнеописания. Причем иногда

дело доходит до анекдотов: спор о месте рождения какого-либо философа (имея, несомненно, важное историческое значение) выходит на первый план, мало что добавляя к пониманию его теорий. Подобные подробности иногда настолько сильно засоряют книги, что те становятся абсолютно непригодными для малознакомого с представленной фигурой читателя и переходят, таким образом, в разряд литературы для поклонников творчества описываемого философа. Мотивация к их написанию вполне понятна: они пишутся «с точки зрения вечности» и для нее же. Моделируются такие работы по образу и подобию немецкой истории философии конца XIX в., причем сочинения Куно Фишера (активно переиздаваемого у нас сегодня) в этом отношении являются эталоном.

Хочу заметить, что небольших, доступных в плане изложения и объема книг такого рода крайне мало. Они не претендуют на изложение от имени Вечности – через двадцать лет они безнадежно устареют. Но эти работы выполняют важную функцию: знакомят широ-

¹ Nolan D. David Lewis. Montréal; Ithaca: McGill-Queen's University Press, 2005. 250 p.

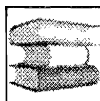
кую (философскую) публику с теориями, выуживать которые из многостраничных трудов самих философов было бы слишком обременительно в ситуации постоянной нехватки времени. Заинтересованный читатель всегда может обратиться к оригиналу.

Рецензируемая книга относится к упомянутому «доступному» жанру. Сочинения такого рода вполне можно использовать в качестве учебников, причем часто они так и задумываются. Учение философа оказывается здесь гораздо важнее его жизни, а подстегнуть интерес студентов экстравагантными выходками рассматриваемого мыслителя авторы не считают нужным. Это происходит потому, что цель таких произведений – описывать теории, к которым биографические подробности имеют весьма отдаленное отношение. Для современной американской философии такой подход можно считать правилом. В нем есть свои недостатки, о которых стоит поговорить ниже.

На двухсот пятидесяти страницах (из них двести двадцать собственно текста) Дэниел Нолан берется объяснить результаты творческого пути одного из наиболее интересных американских философов конца XX в. Книга разбита на несколько тематических разделов: метафизический и научный реализм; мозаика Юма; многообразие возможностей; законы, причинно-следственные связи, диспозиции и шансы; реализм и редуктивный материализм в отношении сознания (mind); репрезентация и ментальное содержание; язык, его использование и конвенции; ценности и мораль. Таким образом, она охватывает все творчество Д. Льюиса, но в кратком изложении. Нолан также поместил главу «размышлений» о методологии Льюиса, имеющую самостоятельную ценность.

Льюис представляет собой тот тип классического «аналитическо-

го» философа (он был учеником Куайна), который незаметно для себя отошел от аналитической «ортодоксии» 1950–1960-х гг. в сторону более свободного философствования. Под «ортодоксией», по-видимому, понимаются взгляды ранних Куайна, Гудмена и активно работавших в то время в Америке Карнапа и Рейхенбаха. Начав свою деятельность как философствующий логик, Льюис в 1980-х гг. оказался одним из наиболее радикальных и интригующих метафизиков конца XX в., идеи которых остаются в памяти. Утрируя, можно сказать, что у Фалеса этой идеей было утверждение о том, что все состоит из воды, у Мейнонга – что существуют невозможные предметы, такие как круглый квадрат, у МакТаггарта – что не существует времени. Наиболее запоминающейся чертой философии Льюиса является утверждение о буквальном существовании «возможных миров». В то же время Льюис – автор цельной картины мира, которая конструируется из простых сущностей. В ней учтены и развиты результаты философии науки (многое в его деятельности относится именно к ней), но в целом его философия представляет собой систему в полном смысле этого слова. Но люди, испытывающие идиосинкразию к системам, могут не принимать ее в целом, принимая только отдельные результаты Льюиса или используя его метод. К последним относится и Нолан: выступая в качестве критика Льюиса, он, тем не менее, использует его методологию. Методология Льюиса является редуктивной. Льюис сводит сложные объекты и отношения к простым. Самой важной ее чертой является использование понятия «возможный мир», или «ограниченная модальность». Например, объясняя закон природы как наше утверждение о существовании необходимой связи между явлениями, мы должны сводить понятие «необ-

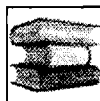

ходимость» к понятию «происходящее во всех возможных мирах, где законы природы такие же, как в нашем». Так Льюис избавляется от неясных понятий в пользу более ясных. Использование им понятия «возможный мир» сам Льюис объясняет так: оно настолько же полезно в философии, как и понятие «множество» (также не лишенное контринтуитивности и противоречий) – в математике.

Льюису принадлежат значительные результаты во многих областях философского исследования, начиная от эпистемологии и заканчивая этикой, но прежде всего он известен своими исследованиями в области философии модальностей, метафизики, философии логики и философии сознания. Философская логика и метафизика всегда занимали центральное место в общей системе философии, которую старался разработать Льюис. Основой этой системы служит онтология «научного материализма» в интерпретации Льюиса, согласно которой в мире существуют только индивиды (объекты), их агрегаты и отношения между ними. Все, что находится в мире, является физическими объектами, которые описываются естественными науками. Наука может ошибаться в каких-либо деталях, но в целом она дает истинную картину мира. Эта точка зрения Льюиса попадает в общий разряд взглядов «научного реализма». Материализм Льюиса проявляется в том, что он полагает картину мира, предлагаемую физическими науками, полной, т.е. все взаимодействия в мире сводятся к фундаментальным физическим взаимодействиям. Объекты, составляющие мир, предполагаются существующими вне зависимости от нас, причем они обладают некоторыми свойствами, не зависящими от нашего выделения их в группы или нашего приписывания этим предметам свойств. Только объекты, собираемые из точек пространства-вре-

мени, обладают подлинными свойствами, а эти свойства описываются естественными науками. В силу этого «в конечном итоге» естественные науки описывают весь универсум. «Искусственные» свойства не являются свойствами, проявляющимися на уровне точечных «объектов», а «надстраиваются» над ними.

Льюис пытается построить онтологию на минимальном основании: показать, как из простых объектов получаются сложные и как они существуют во времени. Базовыми в онтологии Льюиса являются объекты – точки четырехмерного пространства-времени, из которых в конечном итоге конструируются объекты обыденного опыта. Для точек пространства-времени наиболее фундаментальными являются пространственно-временные отношения: «быть одновременно на расстоянии метра друг от друга». Льюис называет свою точку зрения «супервенцией Юма», где каждый объект нашего опыта представляет собой собрание из отдельных «мельчайших» частиц – положений пространственно-временных точек. Наш опыт не может изменяться, если неизменной остается основа – агрегаты пространственно-временных точек. Пространство-время в онтологии Льюиса настолько же реально, насколько реальны его точки и состоящие из них объекты – так он избегает многих проблем, которые могут возникнуть, если строить онтологию только из объектов или только из пространственно-временных отношений. Для того чтобы объекты были такими, какими мы их знаем, или не отличались бы в данном описании от описания, полученного из результатов обыденного опыта, помимо пространственно-временного отношения вводится мереологическое отношение «часть-целое». Согласно Льюису, «целое» может быть образовано из любых частей, и эти «целые» и являются объектами нашего

обыденного опыта. Два объекта пересекаются, если они обладают общими частями, объединение некоторых объектов есть объект, все части которого пересекаются, по крайней мере, с одним из соседних объектов. Рука является частью человека, биосферы, солнечной системы, галактики. Звено самолетов является частью эскадрильи, полка, военно-воздушных сил и т.д. Объектами для нас являются только те «целые», которые заслуживают нашего внимания, таким образом, по мысли Льюиса, его теория, совпадая с точкой зрения «здорового смысла», не является контринтуитивной. В отношении проблемы существования объектов во времени Льюис также придерживается реалистической точки зрения. Он отрицает две противоположные концепции: презентизм, сторонники которого утверждают, что будущего и прошлого в строгом смысле слова не существует, а существует только настоящее, и эндурантизм (endurantism), утверждающий, что объекты непрерывно существуют во времени, причем в каждый момент времени вещь является одной и той же — целиком находится в разных моментах времени. Собственная точка зрения Льюиса заключается в том, что объекты не являются непрерывными во времени. В каждый момент времени объект представляет собой часть общего объекта, его временной срез, из которого мы, руководствуясь здравым смыслом, формируем некое протяженное во времени целое. Это целое состоит из множества частей наподобие червя, каждое кольцо которого является темпоральным срезом. В отличие от эндурантизма, с точки зрения которого объекты как бы скользят вдоль «оси» времени, для Льюиса время «разрезает» объекты на их временные срезы, на части. Здравый смысл формирует объект нашего обыденного опыта из частей согласно принципу имманентной каузально-

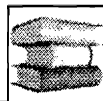
сти: каждый временной срез причинно обуславливает возникновение будущего среза, до тех пор, конечно, пока не вмешается третья сила и объект не перестанет существовать. Для теории Льюиса прошлое не является фиксированным в жестком смысле: путешественник во времени (путешествие во времени с такой точки зрения не является логически невозможным) не может изменить прошлое настолько, чтобы изменить настоящее. Если он производит действие в прошлом, например, появляется на машине времени в месте, которое до этого было пустым, то он просто «занимает» это место. Каузальная цепочка, которая привела бы к изменениям в будущем, уже существует до того, как путешественник отправился в прошлое.

Как уже было сказано, в области «философии модальностей», как центральной для всякой метафизики после Юма, в описании понятий «необходимо» и «возможно» Льюис придерживался редуктивной точки зрения. Может возникнуть резонный вопрос: сводя «необходимость» к «истинно в возможном мире», не заменяем ли мы одно неясное понятие другим? Но Льюис показывает, что «возможный мир» является логически непротиворечивым понятием, к которому сводится не только необходимость, но с помощью которого объясняются и многие другие философские понятия и стоящие за ними проблемы. Одновременно, он придерживается реалистической точки зрения по отношению к тем объектам (или собраниям объектов), с помощью которых он объясняет понятия «необходимо» и «возможно». Эти объекты, «возможные миры», не являются чем-то, что конструируется нами из обычных объектов, находящихся у нас под рукой. Объекты, из которых они состоят, находятся слишком далеко в «логическом» пространстве, и мы не можем заменить их на те, которые нас окружают. Но они существуют в

том же самом смысле слова «существование», что и обычные, знакомые нам объекты. Такая точка зрения называется «модальным реализмом». Каждый объект, существующий в каком-либо возможном мире, существует только в нем и нигде больше. Это значит, что возможные миры Льюиса не пересекаются между собой. Мы не можем достичь другого возможного мира ни на каком «логическом миролеете». Льюис аргументирует против трех альтернативных теорий возможных миров, которые он называет «эрзац-теориями». Это теория возможных миров как абстрактных положений дел (Крипке), как полных описаний (Гудмен) и как «картин мира» или «положений дел», истинных в некоем другом, «магическом» смысле, нежели обычные высказывания о положениях дел. Все три теории предлагали объяснения истинности таких контрфактических предложений, как «если бы здесь взорвалась атомная бомба, то я бы погиб», через описание возможных состояний «меня» в том или ином мире. В качестве альтернативы Льюис вводит теорию «двойников», согласно которой истинность контрфактического высказывания зависит от того, случилось ли с «двойником» меня в каком-либо мире при прочих равных такое событие. Отношение «достижимости» между мирами, прославившее С. Крипке (одного из основных оппонентов Льюиса), он заменяет на отношение «сходства». Контрфактическое высказывание истинно, если в мире, наиболее схожем с нашим, такое событие произошло. Оно ложно, если при всех прочих равных, такое событие не произошло. Произошло оно или нет, мы узнаем из анализа контрфактического высказывания.

Льюис также знаменит как один из ранних сторонников редукционистского материализма в философии сознания (известна его дружба с австралийскими философами-материалистами, однако в книге Нолана об этом нет упоминания). Он придерживался особой точки зрения на психические процессы, которая называется «теория тождества по типу» (type-identity theory). В отличие от обычной теории тождества (token identity theory), в которой с состояниями мозга отождествляются только отдельные состояния психики, «теория тождества по типу» более строга. Стандартная теория тождества предполагает: несмотря на то, что «отдельные» (token) состояния мозга тождественны состояниям психики, те же состояния психики могут быть тождественны и иным состояниям мозга. Этот тезис называется тезисом «множественной реализации» (multiple realizability) и ведет к функционализму в философии сознания (психические состояния как функции мозга), который означает, что одинаковые состояния психики могут возникать у разных существ (с разным биохимическим составом мозга) и даже у электронных устройств (представим себе, например, сложный электронный мозг). Льюис более строг в отношении состояний мозга и одновременно более мягок в объяснении состояний веры во что-либо, не отклоняясь при этом от точки зрения здравого смысла. Вера во что-либо (belief) может быть объяснена в рамках физикалистской картины мира, где существуют только физические состояния, при помощи той роли, которую она играет в поведении людей. Эта точка зрения Льюиса получила название «функционализм каузальной роли». Для сведения верований к той роли, которую они выполняют в поведении людей, Льюис использует процедуру, получившую название «метод Рамсея–Льюиса» (здесь Льюис обраща-

ется к наследию британского философа Фрэнка Рамсея). Метод Рамсея («рамсификация») в философии математики имел своим результатом сведение сложной теории типов Рассела к более простой теории типов. Метод Рамсея–Льюиса заключается в перенесении анализа контрфактических высказываний на анализ «предложений мнения». Нужно отметить, что анализ «предложений мнения» всегда был большой проблемой для теоретиков тождества: они либо объяснялись через диспозиции (установки, предрасположенности), либо оставались за рамками объяснения.

Впрочем, пересказывать здесь всю книгу нет никакой возможности, поэтому стоит сделать заключительные, оценочные замечания. Несмотря на то, что книга Нолана обладает рядом отмеченных выше достоинств, она не лишена и значительных недостатков. Во-первых, как и в других книгах, выпущенных издательством «McGill-Queen's», например о Д. Дэвидсоне (Joseph M. Donald Davidson. McGill-Queen's, 2004) и С. Крипке (Fitch G.W. Saul Kripke. McGill-Queen's, 2004), пугает практическое отсутствие упоминаний о предшественниках и оппонентах рассматриваемых философов, за исключением самых непосредственных, причем предшественником во всех трех случаях является «дедушка» американской аналитической философии У. Куайн. У читателя, незнакомого с историей американской философии в целом, создается впечатление, что вся дискуссия, в которую оказались включены упомянутые философы, возникла внезапно, практически из ничего. Перед глазами встает удивительная картина: в Америке образовалась группа размышляющих индивидов, которые, отбросив некую «ортодоксию» ранней аналитической философии, разработали

совершенно замечательные теории, а в нашем случае, даже систематическую философию. Книга Нолана страдает этим недостатком в наибольшей степени: намеки типа «раньше считалось» или «некоторые с этим не согласились» вряд ли помогут воссоздать цельную картину. Систематическое изложение (даже в нашем «возможном мире») не слишком пострадало бы от развитого аппарата ссылок, которые не заинтересованный в выяснении подробностей читатель мог бы пропустить. Второй недостаток заключается в том, что автор книги не занимается систематическим изложением в собственном смысле. Возникает впечатление, что Нолан, сам будучи философом, пишет книгу не «про» Льюиса, как гласит название, а, скорее, «про или contra Льюис». Слишком большая включенность автора книги в обсуждение проблем и решений, предоставленных Льюисом, мешает читателю сконцентрироваться на том, что же сказал сам Льюис. Такого рода изложение чрезвычайно затрудняет чтение книги и в значительной степени снижает ее ценность в качестве популярного введения в философию Льюиса, а следовательно, и ее ценность для использования в преподавании, например, современной аналитической метафизики, философии языка или философии сознания. Намного лучше было бы поместить все размышления о проблемах и методе в заключительную главу книги, ведь она была специально отведена для этого Ноланом. Тем не менее при всех недостатках книга представляет собой определенную ценность и как изложение, и как введение, а степени краткости и систематичности изложения вполне можно позавидовать.